

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 165.1

ИСТОРИЯ КАК РЕЧЕВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: К «ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЕ» К. МАРКСА

П.А. ОЛЬХОВ

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: Olkhov@bsu.edu.ru

В статье актуализируется проблема эпистемологического статуса истории как целостной познавательной реальности. Уточняются стратегии репрезентации исторического знания применительно к опыту исторической науки XIX столетия. Особое внимание обращается на возможность понимания исторического знания как целостной реальности речевого опыта; анализируется «диалогическая формула» К.Маркса, особенности речи которого являются предметом логико-эпистемологических и лингвистических дискуссий в западной и отечественной философии гуманитарных наук.

Ключевые слова: история, историческое знание, речевая реальность, диалог, историческое высказывание, эпистемология исторического знания.

Познавательная ностальгия по золотому веку исторической науки – тем первоначальным просветительским временам, когда история ещё «не была подвёрстана под невозможный идеал ясности»¹, предполагает прежде всего переоткрытие истории как речевой реальности. История как наука всегда была возможна только при наличии исторических источников – специально осмысливаемых «документов речи», высказываний о некоем целом исторического события; переоткрытие речевой реальности истории означает предметное уточнение событийности самой этой реальности. Проблема познавательной неполноты исторического документа и его историографических восприятий здесь принимает вид вопроса о речевой данности этой неполноты; познавательный статус исторического документа таким образом подлежит радикальному уточнению; его осмысление означает поиск ответа на вопрос о познавательной возможности его как высказывания, продуктивно ограниченного в открытом речевом целом исторического знания.

Эпистемологические риски переоткрытия истории как речевой реальности аналитически очевидны: под вопросом оказываются устоявшиеся стратегии исторической репрезентации, привычки представлять историческое знание как безлично-словесное, вто-

¹ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 10. Об исторической науке XIX в. как «любимом детище Просвещения» см.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. – С. 327.

ричное по отношению к той реальности, которую оно словесно удостоверяло. Однако по мере осознания этих рисков и возникла, собственно, ностальгия по другой истории, состоявшейся как некоторая речевая реальность и оставившей подзабытый теперь опыт изживания этих рисков². Памятники той, другой истории, разумеется, инвентаризованы; между тем, в них теперь открывается нечто большее, чем до сих пор отмечалось в историографических описях. Исторические исследования Э. Бёрка, Б.Г. Нибура, Л. фон Ранке, И.-Г. Дройзена, Я. Буркхардта, А. Токвиля, Ж. Мишле, Фюстеля де Куланжа, Ш. Пеги, Т.Б. Маколея, Т. Карлейля, К. Маркса, Н.М. Карамзина, Т.Н. Грановского, М.П. Погодина, Л.Н. Толстого и др., вне зависимости от позднейших историографических квалификаций, несводимы к некоей абстрактной фактичности их результатов. Их познавательная действительность, их собственная историческая уместность именно речевая, с некими присущими им диалогическими минимумами смысла.

О том, насколько эпистемологически затруднительно отозваться на прежнюю речевую полноту историографии, хорошо показывают исследования исторических высказываний К. Маркса, его «лучших страниц»³. Интерес к ним развился ещё в 70-х годах прошлого столетия: Х. Уайт, следуя аналитическим установкам Л.О. Минка, предпринял масштабную попытку «концептуализировать скорее “поэтику” историографии, нежели “философию” истории»⁴ Маркса, предположив тропологически-дискурсивную модель анализа исторических высказываний – своего рода инверсию номологически-дедуктивной модели: таким образом был написан логико-эпистемологический сценарий неэпистемологического по замыслу историографического опыта К. Маркса («достигаемая в дискурсе Маркса последовательность первоначальных характеристик и дальнейших объяснений – это последовательность модальная, а не логическая»⁵), что позволило П. Рикёру заметить о поучительной «ошибке» Уайта⁶. Примерно в эти же годы развернулись отечественные исследования речевой реальности исторических трудов Маркса, которая понималась как художественно-инструментальная, по преимуществу. Происходила не-

² Такова эпистемологически парадигмальная эволюция Фр.Р. Анкерсмита: от анализа оснований и структур исторической репрезентации – повествования, как будто вторичного по отношению к реальности подлинного знания, хотя и нерасторжимого с этой реальностью, к исследованию «травмы раскола», происходившем в исторических науках по отношению к своему целостному опыту. Существование различных практик доверия к целостной познавательной реальности, расколотой усилиями просветителей – инициаторов современной исторической науки *in statu nascendi*, привело к тому, что и познаваемый мир раскололся на две части: «на ту часть, которую мы видим и воспринимаем, принуждаемые языком, и на ту непостижимую реальность как *таковую*, которая опережает и превосходит мир, данный нам в языке и через язык». Собственно, ностальгия по тому утраченному опыту драматичной гармонии предпосылок исторического знания и беспокоит Анкерсмита: «как ни забавно, но получается, что реальность как *таковая* и, следовательно, прошлое как таковое всегда должны внушать нам ужас», поскольку не представляю в порядке преобразования «обычного языка» в язык исторической науки, исторической репрезентации *per se* – «прошлое в его, так сказать непредставимой действительности». Подавив доверием к «реальности как таковой» доверие к «реальности языка» и затем, скомпрометировав «реальность как таковую» её недоступностью из «тюрьмы языка», «мы стоим нагие посреди холодного и враждебного мира безо всякой поддержки. Мы беспомощны... по ту сторону языковой тюрьмы находится ужасный мир, постоянно угрожающий нам встречей со смертью... Есть глубокая истина в том, что мы прекращаем говорить, только тогда, когда мы умираем; когда нечего больше сказать, мы мертвы». Эквивалентом психологического понятия травмы Анкерсмит, собственно, и полагает понятие «возвышенного опыта». – Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Изд-во «Европа», 2007. – С. 5-6. С другой стороны, Г.-Г. Гадамер, которому, собственно, принадлежит инициатива герменевтического обновления понятия возвышенный опыт, обращает внимание на его логико-эпистемологическую несводимость: опыт второй половины XVIII и почти всего XIX века не столько облегчает постановку диагноза современной эпистемологии исторического знания, сколько является опытом, в котором даёт себя знать такое «притязание на истину, которое современное сознание не в силах ни отклонить, ни превзойти». – Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – С. 39.

³ Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – С. 123.

⁴ Уайт Х. Метаистория. – С. 11.

⁵ Уайт Х. Метаистория. – С. 9, 326-379 и др.

⁶ Ср., напр.: «Х.Уайт загнал себя в тупик, рассуждая об операциях построения сюжета как о способах объяснения, рассматриваемых в лучшем случае как индифферентные по отношению к научным процедурам исторического знания, в худшем случае – как способные заменить эти последние. Здесь налицо настоящая категориальная ошибка...» – Рикёр П. Память, история, забвение. – С. 123.

кая продуктивная индоктринация «произнесённого слова»⁷ Маркса: переустанавливалось стилевое соответствие между разнообразными художественными формами Марксовых высказываний и их содержательным единством; дело шло о диалектике готового слова, беспредпосылочных речевых форм – диалектике без диалога, без внимания к историчной событийности речевого опыта мыслителя⁸. Исследования никогда не доходили даже до анализа «словесной ткани», самого материала исторических высказываний Маркса.

В новинку до сих пор оказывается исследование синтаксических структур: С.С. Аверинцев, предлагая к анализу два характерных примера из немецкого подлинника «Экономическо-философских рукописей 1844 года» и «Предисловия к критике политической экономии», редчайшим образом указывает на структурную симметрию в языке и мышлении К.Маркса.

“Worin besteht nun die Entäusserung der Arbeit?

Erstens, dass die Arbeit dem Arbeiter äusserlich ist, d.h. nicht zu seiner Wesen gehört, dass er sich daher in seiner Arbeit nicht bejaht, sondern verneint, nicht wohl, sondern unglücklich fühlt, keine freie physische und geistige Energie entwickelt, sondern seine Physis abkasteit und seinen Geist ruiniert. Der Arbeiter fühlt sich daher erst ausser der Arbeit bei sich und in der Arbeit ausser sich. Zu Hause ist er, wenn er nicht arbeitet, und wenn er arbeitet, ist er nicht zu Haus. Seine Arbeit ist daher nicht freiwillig, sondern gezwungen, *Zwangsarbeit*. Sie ist daher nicht die Befriedigung eines Bedürfnisses, sondern sie ist nur ein *Mittel*, um die Bedürfnisse ausser ihr zu befriedigen”⁹

«В чём же заключается отчуждение труда? Во-первых, в том, что труд является для рабочего чем-то *внешним*, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своём труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от себя самого. У себя он тогда, когда не работает; а когда он работает, он уже не у себя. В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это – *принудительный труд*. Это не удовлетворение потребности в труде, а только средство для удовлетворения всяких других потребностей, но не потребность в труде»¹⁰.

“Die Produktion liefert dem Bedürfnis nicht nur ein Material, sondern sie liefert dem

«Производство доставляет не только потребности материала, но и материалу по-

⁷ Аверинцев С.С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Аверинцев С.С., Франк-Каменецкий И.Г., Фрейденберг О.М. От слова к смыслу: Проблемы тропогенеза. М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 85.

⁸ О совершенном стиле работ Маркса писали уже первые его ученики: «Если когда-либо можно было применить к кому-нибудь слова Бюффона «стиль — это человек», то именно к Марксу. Стиль Маркса — это Маркс. Такой до мозга костей правдивый человек, который не знал другого культа, кроме культа истины, который в одну минуту мог отбросить с трудом добытые, ставшие ему дорогими теоретические выводы, лишь только он убеждался в их неправильности, должен был и в своих книгах показать себя таким, каким он был. Неспособный к лицемерию, неспособный к притворству и к позе, он всегда был самим собой как в своих произведениях, так и в своей жизни. Правда, при такой многосторонней, всеобъемлющей, многогранной натуре и стиль не может быть таким однородным, однообразным или даже монотонным, как у менее сложных, менее широких натур. Маркс — творец «Капитала», Маркс — автор «Восемнадцатого брюмера» и Маркс — создатель «Господина Фогта» — три различных Маркса, и все-таки при всем различии это один Маркс, в этой тройственности все-таки есть единство — единство большой личности, которая разное проявляет себя в разных областях и все же всегда остается одной и той же». — Либкнехт В. Маркс — учитель и воспитатель революционеров. Из воспоминаний о Карле Марксе. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://prometej.info/new/history/565-marks.html>. Ср., напр.: Меринг Ф. Карл Маркс и сравнение // Избр. труды по эстетике. М., 1985. Т. II. — С. 312. См. также: Нечкина М.В. Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982. — С. 205-251. Волков Г.Н. «Капитал» как художественное целое // Знамя. 1983. № 3. — С. 213-224 и др.

⁹ Marx K. Ökonomisch-philosophische Manuskripte (1844) // Marx K., Engels F. Über Kunst und Literatur: Eine Sammlung aus ihren Schriften / Hrsg. M. Lifschitz. 6. Aufl. Berlin, 1953. — S. 33.

¹⁰ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 42. — С. 90.

Material auch ein Bedürfnis. <...> Die Produktion produziert daher nicht nur einen Gegenstand für das Subjekt, sondern auch ein Subjekt für den Gegenstand¹¹.

требность. <...> Производство создаёт по этому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета!»¹².

С.С. Аверинцев, перечитывая немецкий оригинал, замечает, что в нём «словесная ткань строится как последовательность строго симметричных антитез, иногда подчёркиваемых «исологией» (“bejaht” – “verneint”). Одни и те же пары слов меняются местами внутри идентичной синтаксической и логической конструкции («материал потребности» – «потребность материалу», «предмет для субъекта» – «субъект для предмета»)). «Так, – заключает С.С. Аверинцев, – он писал, или, лучше сказать, *так он думал* (ведь обе цитаты взяты, собственно, из черновых набросков – это почти стенограмма мысли!)». Ритм фигур речи, «Горгиевых фигур», «ведёт за собой мысль, как ритм маршировки ведёт солдата на долгом переходе»¹³.

Примечательно, что комментарий С.С. Аверинцева обращён преимущественно ко второму высказыванию Маркса и оставляет без внимания смысловые особенности первого. При сличении немецкого оригинала и перевода этих фрагментов дают себя знать почти незаметные в структурно-лингвистической плоскости эпистемологии языка ценностно-эпистемологические иерархии высказываний Маркса, или, иначе, *историчность* того, как высказывался Маркс, и то, каким образом *отвечал* ему русский переводчик.

В подлинных репликах Маркса сразу заметна особая взаимность наглядного, естественного немецкого речевого опыта и культурно-речевой традиции, разом сохраняющей и оспаривающей всякую наглядность. Уже ключевое слово *Entäusserung* отличается характерной непереводаемостью: это, буквально, не «от-чуждение», а «отъ-явление», своего рода отказ от очевидности, указание на то, что труд превращается в некую жизненную неочевидность. В качестве некоей речевой меры, *Entäusserung* уточняется через однокоренное *Äusserung* («заявление», «проявление», «высказывание») – слово, которое в немецком языке проявляет эмоциональный настрой и исправно служит при выражении чувств и мнений «высказывающегося»¹⁴; в течение фразы совершается, между прочим, звуко-символический переход *Äusserung* в повторяемое *ausser* («вне», «из», «кроме», «помимо» и т.п.), закрытого [o] в открытое, «изобличающее» [a]. Симметричны, повторяются с ритмической частотой и взаимно уточняют друг друга родственные *Arbeit* («труд», «работа») и *Arbeiter* («трудолюбивый», «рабочий»), что становится незаметным в русском переводе, в котором используются асимметричные «труд» и «рабочий». Игровой, античный акцент слышится и в соположении *physische* и *Physis*, что переводчик предпочитает не заметить вовсе и переводит последнее как «физическую природу». *Ruiniert* передается через русское «изнурение», что представляет собою довольно сильную интерпретацию: пространственный остаток смысла в *ruiniert* ликвидируется и остаётся исключительно этический смысл. Аналогичное отвлечение происходит в отказе переводчика от *zu Hause*, заменяемого «собою».

Мало-помалу в русском переводе девальвируется стремление Маркса рассуждать исторично, в традиции «делосского ныряльщика», погружаясь в речь и генерируя внутри вовне некие наглядно-познавательные речевые смыслы. Как будто усматривая за словами некую отдельную познавательную реальность «*как таковую*», переводчик предлагает каждый раз некое метафизическое преобразование, своего рода отрешение слов от их словесной материи и придание им новых метафизических коннотаций. Неочевидность становится чуждостью, домашность – свойскостью и т.д. Живая историчность речи Мар-

¹¹ Marx K. Einleitung zur Kritik der politischen Ökonomie // Marx K., Engels F. Über Kunst und Literatur: Eine Sammlung aus ihren Schriften / Hrsg. M. Lifschitz. 6. Aufl. Berlin, 1953. – S. 27.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие к критике политической экономии / Соч.Т. 46. – С. 28.

¹³ Аверинцев С.С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда. – С. 100-101.

¹⁴ Альтернативно ему в немецкой речи *der Ausspruch* – «высказывание» краткое, значительное, «изречение» – ein Ausspruch Bismarcks, напр.: Brockhaus Wahrig deutsches Wörterbuch. Bd. I. Wiesbaden et al., 1981. S. 459. Dostal K.A. Das richtige Wort-Synonymisches Wörterbuch. Wien, 1957. S. 13 («aussprechen»). Ср.: Brockhaus Wahrig deutsches Wörterbuch. Bd. I. Wiesbaden et al., 1981. S. 457. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Bd. I. Berlin, 1989. – S. 101 (äussern).

кса теряет таким образом свою глубину, свою стилистико-диалогическую материальную упругость; на первый план выходит индоктринированная модальность абстрактного монолога.

Ещё более заметно речевое своеобразие, глубинная стилистика К. Маркса в его известном рассуждении о природе исторического источника.

«Die historische Schule hat das Quellenstudium zu ihrem Schiboleth gemacht, sie hat ihre Quellenliebhabe bis zu dem Extrem gesteigert, dass sie dem Schiffer anmuthet, nicht auf dem Strome, sondern auf seiner Quelle zu fahren...»¹⁵

«Историческая школа сделала изучение источников своим лозунгом, свое пристрастие к источникам она довела до крайности, – она требует от гребца, чтобы он плыл не по реке, а по ее источнику»¹⁶.

«Историческая школа сделала изучение источников своим лозунгом...» – фрагмент в переводе имеет вид политической аллегии. Но в немецком тексте Маркс пишет не о лозунге: со смысловым единством Quellenstudium («изучение источников», «источниковедение») связывается, по особому сходству, смысл Schiboleth. В отличие от синонимичного ему Losung¹⁷, слово Schiboleth укоренено в библейской познавательной культуре, имеет многовековую традицию европейского употребления, и в контексте приведенной выдержки это скорее «цеховое поверье», «символ цеха», чем только «лозунг» исторической школы права. Schiboleth (древнеевр. שִׁבּוֹלֶת šibbōlet) означало «колос» – той пшеницы, о жатве которой во время половодий ветхозаветного Иордана (одного из предписанных пределов страны «сынов Израилевых») сообщает Книга Иисуса Навина (Нав.,3). В Книге Судей Израилевых указывается, что это слово было использовано в качестве звукового пароля, неверное произнесение которого закрывало путь к переправе через ту же «воду Иорданскую». «И перехватили Галаадитяне переправу чрез Иордан от Ефремлян, и когда кто из изувельших Ефремлян говорил: “позвольте мне переправиться”, то жители Галаадские говорили ему: не Ефремлянин ли ты? Он говорил: нет. Они говорили ему: скажи “шибболет”, а он говорил: “сибболет”, и не мог иначе выговорить. Тогда они, взяв его, заколали у переправы чрез Иордан. И пало в то время из Ефремлян сорок две тысячи» (Суд., 12). Позднейшая коррекция смысла сохраняется: Schiboleth входит (через Вульгату и другие переводы Библии) в языки Европы, и комментаторы Нового времени, не забывая отметить исторически первое, прямое значение Schiboleth, подробно рассматривают широкое культурное применение переносного, как способ ориентации в изменчивых, квазибиблейских обстоятельствах¹⁸. Quellenstudium как Schiboleth является паролем как будто бы праведной переправы; иронизируется и таким образом стилистически ответно уточняется уверенность провозгласивших Quellenstudium как Schiboleth: сугубое «изуче-

¹⁵ Marx K., Engels F. Gesamtausgabe. Berlin, 1975. Bd. I, T. I. – S. 191.

¹⁶ Маркс К. Философский манифест исторической школы права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. – С. 85.

¹⁷ Слово Losung возникло в германских языках (древнегерм. lōz, древневерхненем. hlōz и др.), означало: предсказание судьбы, определение жребием победителя в споре и т.п. Его значения множатся примерно с XV века и в основном таковы: 1) воинское слово-пароль; принцип, которому постоянно следуют; 2) библейские изречения, каждодневно необходимые религиозному братству (своеобразные «лозунги дня»); 3) некий глас судьбы (определенное возрождение исходного героического значения в XVIII веке, у Гердера); 4) арготическое, у охотников «der Kot des Wildes». См., напр.: Duden K. Der grosse Duden. Bd. 7. Mannheim, 1967. S. 410; Bd. 10. Mannheim, 1970. S. 421. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Bd. 2. Berlin, 1989. S. 1032. Herders Sprachbuch. S. 375. Mackensen L. Ursprung der Wörter: Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Sprache. Berlin, 1988. – S. 245. Большой немецко-русский словарь в двух томах. Т. II. М., 1980. – С. 42. Адаптированное в русском языке как иностранное, ставшее «лозунгом», слово Losung утратило большинство значений и было истолковано, главным образом, как призыв, который в краткой форме выражает руководящую идею, задачу или требование. См., напр.: Словарь иностранных слов. Изд. 18-е, стереотипное. М., 1989. – С. 290. Ср.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1955. – С. 264 («лозунг»), 726 («отзыв»).

¹⁸ См., напр.: Brockhaus Wahrig deutsches Wörterbuch. Bd. 5. Stuttgart, 1983. S. 543. Herders Sprachbuch. Freiburg u.a., 1960. S. 558. Herders Fremdwörterbuch. Freiburg u.a., 1971. S. 430. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch. Berlin, New York, 1975. S. 645. E.Wasserzielier. Woher? Ableitendes Wörterbuch der deutschen Sprache. Bonn, 1963. S. 370. A New English Dictionary on Historical Principles. Vol. VIII, Part II. Oxford, 1914. – P. 688.

ние источника» есть мнимосакральный залог успеха в преодолении движущегося потока истории.

«...Свое пристрастие к источникам она довела до крайности...» – в этой части вновь оказываются заметными трудно передаваемые на русский моменты оригинала: «...sie hat ihre Quellenliebhaberei bis zu dem Extrem gesteigert...». Итак, Quellenstudium находится эквивалент – Quellenliebhaberei («пристрастие к источникам»; «источниколюбие»), – историческая школа таким образом, оказывается некорректной по отношению к событию собственной речи, и впрямь артикулирует «сшиболет»; Schiboleth здесь под стать gesteigert (steigern – ‘возвышать’) и оказывается событием, о котором только квазирелигиозно мечтают, не умея совершить, «выговорить» его сторонники исторической школы права.

«...Она требует от гребца, чтобы он плыл не по реке, а по источнику» («...dass sie dem Schiffer anmuthet, nicht auf dem Strome, sondern auf seiner Quelle zu fahren»). Здесь der Strom (‘река’, ‘поток’) – последнее, перифрастическое напоминание о Schiboleth, der Schiffer (‘гребец’, ‘кормчий’) – метафора «исследователя». Смысловая событийность «источника» (seiner Quelle) принимает таким образом ясный речевой вид. На протяжении всего высказывания происходит стилистическое взаимопроявление и стилистическое же удержание, состязательно-игровое расширение смыслов источника. Представление об историческом источнике как об особой реальности, абсолютном начале исторического познания является наивным, если только не мыслить этот абстрактный абсолют в его конкретно-речевой событийности, хотя бы со стилистической точностью, как «бессмертную смерть»¹⁹.

М.М. Бахтин, «превосходно владевший» марксистским методом²⁰, обронил реплику о «диалогической формуле Маркса-Энгельса»²¹, смысловой доминантой которой является историчное единство речевого мышления. Эта формула вполне известна: «Язык так же древен, как и сознание, язык как раз и есть практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребностей, из настоящей нужды в общении с другими людьми»²². Если соблюдать речевой или собственно диалогический статус этой формулы, не раскалывая его на противоположные, хотя и связанные между собою отвлеченные смыслы, то необходимо признать, что «К. Маркс говорил, что только высказанная в *слове* мысль становится действительной мыслью для *другого* и только тем самым и *для меня самого*»²³.

Согласно этой формуле, историческое знание не есть «всегда знание второго порядка»²⁴, которое выступает под прикрытием языка или диалектически пользуется языком. Напротив, с некоторой речевой очевидностью это знание является практическим сознанием, реальным событием речи, в которой происходит «освобождение духа» исторической науки «от догматической скованности», совершается движение к «познанию исторического мира», как минимум, «равноправному с познанием природы современной наукой»²⁵. К. Маркс не оставил специального исследования собственной историчности;

¹⁹ Ср. в «Нищете философии»: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 130-133. Отдельного внимания требует фамильяризирующий тон приведенного высказывания Маркса. Высказывание интонационно асимметрично фальстафовскому тону шекспировских хроник: Фальстаф у Шекспира театрально иронизирует культ природы; у Маркса, соответственно, история становится мировым театром, на подмостках которого выступает историческая школа права – под маской органических метафор истории. Дополнительный интонационный смысл контрарен в смысловом отношении основному образному ряду, дополнительно историзует и иронизирует его, «схватывает», тем самым, «кривизну события» исторического познания. – Бахтин М.М. <Проблема постоянного эпитета> / Собрание сочинений. Т. 4(1). М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 751.

²⁰ Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. – С. 74.

²¹ Бахтин М.М. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров» / Собрание сочинений. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. – С. 213.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. Т. 3. – С. 29.

²³ Бахтин М.М. 1961 год. Заметки / Собрание сочинений. Т. 5. – С. 338. Ср. тж.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. – С. 29.

²⁴ Уайт Х. Метаистория. – С. 12.

²⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – С. 327.

однако, предпринимая такое исследование, с самого начала нет оснований предполагать, что эта историчность исчерпывается тропологическими стратегиями овещствления Марксова дискурса. Довольно односторонним, доктринально ограниченным будет понимание Маркса как «специального эмиссара бога истории»²⁶ – методологического пророка исторической науки. Он скорее конфликтует с лингвистическим идеалом научности исторического знания, ведёт борьбу с языковым овещствлением исторического знания²⁷, решает проблему познавательной точности исторической науки, обращаясь к её речевым глубинам, предпочитая «непрямое говорение»²⁸, «обмен индивидуальностями»²⁹ и «обмен любовью»³⁰; слово здесь из средства изображения становится если и не предметом изложения, то во всяком случае условием историчного речевого «приобщения путем реального участия»³¹.

Переоткрытие истории как речевой реальности не является новым абстрактно-теоретическим проектом эпистемологии исторического знания, скорее – практическим или, вернее, диалогическим обновлением её традиционного «магистрального сюжета»³². Исторические познавательные практики никогда не соответствовали удовлетворительным образом их последующим логико-эпистемологическим спецификациям; однако в состоянии ностальгического возвратного понимания оснований исторического познания, когда отложены, как неясные зеркала, модели эпистемологического объяснения, трудно отказать во внимании к открытому речевому целому истории. В речевой реальности исторического знания «нет ни первого, ни последнего слова»³³; диалогические отношения здесь «шире мышления»³⁴; однако в таком возвратно-диалогическом понимании «непредрешаемость»³⁵ истории выясняется как её же событие на пределе; эпистемология исторического знания выходит здесь на свои онтологические границы.

Список литературы

1. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
2. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Издательство «Европа», 2007. 608 с.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
5. Аверинцев С.С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Аверинцев С.С., Франк-Каменецкий И.Г., Фрейденберг О.М. От слова к смыслу: Проблемы тропогенеза. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
6. Либкнехт В. Маркс – учитель и воспитатель революционеров. Из воспоминаний о Карле Марксе. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://prometej.info/new/history/565-marks.html>.
7. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
8. Бахтин М.М. <Проблема постоянного эпитета> / Собрание сочинений. Т. 4(1). М.: Языки славянских культур, 2008.

²⁶ Cohen H. Ethik des Reinen Willens. Berlin, 1904. Цит. по: Пумпянский Л.В. Основная ошибка романа «Зависть» / Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 552.

²⁷ Ср.: Бахтин М.М. Проблема сентиментализма / Собрание сочинений. Т. 5. – С. 304.

²⁸ Бахтин М.М. Проблема текста / Собрание сочинений. Т. 5. – С. 314.

²⁹ Бахтин М.М. Проблема сентиментализма. – С. 304.

³⁰ Бахтин М.М. 1961 год. Заметки. – С. 345.

³¹ Бахтин М.М. «Проблема постоянного эпитета» – С. 752.

³² Бахтин М.М. Л.Е. Пинский. Драматургия Шекспира. Основные начала / Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. – С. 441.

³³ Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов / Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. – С. 434.

³⁴ Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов. – С. 435.

³⁵ См.: Бахтин М.М. 1961 год. Заметки. – С. 349.

9. Маркс К. Ницета философии. Ответ на «Философию ницеты» г-на Прудона // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4.
10. Бахтин М.М. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров» // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Русские словари, 1996.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Соч. Т. 3.
12. Бахтин М.М. 1961 год. Заметки / Собрание сочинений. Т. 5. М.: Русские словари, 1996.
13. Бахтин М.М. Проблема сентиментализма / Собрание сочинений. Т. 5. М.: Русские словари, 1996.
14. Бахтин М.М. Проблема текста / Собрание сочинений. Т. 5. М.: Русские словари, 1996.
15. Бахтин М.М. Л.Е. Пинский. Драматургия Шекспира. Основные начала / Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002.
16. Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов / Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002.

HISTORY AS A VERBAL REALITY: RECALLING MARX'S «DIALOGICAL FORMULA»

P.A. OLKHOV

*Belgorod National
Research
University*

e-mail: Olkhov@bsu.edu.ru

The paper updates the problem of the epistemological status of history as a holistic cognitive reality. The author refines some strategies of representation of historical knowledge with regard to the experience of the historical science of the XIX century. Particular attention is drawn to the possibility of understanding historical knowledge as a holistic verbal reality. The epistemic aspects of Marx' «dialogic formula» of historicity are analyzed from within Marx' utterances realized in his native language, culturally rooted in the Western humanities.

Key words: history, historical knowledge, verbal reality, dialogue, historical utterance, epistemology of historical knowledge.